

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. А. Реформатский. Введение в языкознание.— М., Учпедгиз, 1955. 400 стр.

Рецензируемая книга состоит из семи разделов: 1) «Введение»; 2) «Лексикология»; 3) «Фонетика»; 4) «Грамматика»; 5) «Письмо»; 6) «Классификация языков»; 7) «Происхождение языка. Образование и историческое развитие языков». Во «Введении» рассматриваются общие свойства языка и разъясняются такие основные понятия, как структура и система языка, язык и речь, синхрония и диахрония в языкознании.

В разделе «Лексикология» обосновывается взгляд на слово как основную единицу языка, на язык именно как язык слов: «... в грамматике, и в фонетике мы рассматриваем именно грамматические формы и звуковой состав слов» (стр. 33). Поскольку основной функцией слова является называние, а называние предполагает обобщение, центральным вопросом лексикологии является соотношение слова и понятия. Это соотношение рассматривается, во-первых, с точки зрения различия в способе выражения понятия в морфеме и слове и, во-вторых, в плане классификации слов. От морфем (в плане способности выражать понятия) слово отличается большей конкретностью: если в морфеме понятие выражается в чистом виде, абстрагируясь от многообразия вещей, отвечающих данному понятию, то в слове понятие конкретизируется, прикрепляясь к названию вещей и явлений (стр. 34). При классификации слов необходимо учитывать, что не всякое слово выражает понятие. Это касается прежде всего междометий. В то же время и собственные имена, «соотносясь с классом вещей, имеют свое значение в назывании и только, никаких понятий они не выражают» (стр. 36). Однако соотношение собственных и нарицательных имен очень сложно. Между этими двумя классами слов постоянно происходит обмен: нарицательные имена превращаются в собственные и собственные в нарицательные. Для понимания существа этих процессов необходимо детальное изучение разных случаев. Приводимое на стр. 37—42 краткое изложение данного вопроса представляет собой одну из наиболее интересных его трактовок.

Особыми свойствами с точки зрения способности к называнию предмета и выражению понятия обладают, далее, местоимения, числительные и служебные слова. Присоединение к этим двум признакам третьего — способности быть членом предложения — дает основу для общего определения типов слов в языке (стр. 43).

В разделе «Лексикология» привлекает внимание также интересная трактовка вопросов полисемии и омонимии на основе «равноценности» (стр. 47—49), ясное изложение сложного вопроса о словарном составе языка и его основном словарном фонде (стр. 97—112), богатый свежим материалом раздел об изменениях словарного состава языка. Таким образом, раздел «Лексикология» раскрывает природу слова как основной единицы языка и словарного состава в разнообразии составляющих его единиц, разъясняет существо процессов, свойственных лексике, характер и пути происходящих в ней изменений.

Изложение в разделе «Фонетика» начинается с подробного описания материальной звуковой стороны языка — сведения из акустики, анатомии речевого аппарата и физиологии звуков речи, общие классификации звуков речи, независимо от тех функций которые те или другие их модификации могут выполнять в отдельных языках. Далее следует фонетическое описание речи — «линейная» трактовка звуковой стороны языка. Описание построено по принципу: от крупных единиц к более мелким, поэтому позиционные изменения звуков выступают в фонетическом аспекте как процессы, закономерно вытекающие из объективных свойств речи.

Ознакомление с акустическими и артикуляционными свойствами звуков речи (т. е. с тем, что обеспечивает их «перцептивную функцию») позволяет обратиться к сигнификативной функции, «к способности различать звуковой материей значимые элементы языка» (стр. 172). Основным понятием при изучении сигнификативной функции звуков речи являются фонемы, которые определяются как «минимальные единицы звукового строя языка, служащие для складывания и различения значимых единиц языка: морфем, слов, предложений» (стр. 174). «Звуки объединяются в фонемы не по акустической или артикуляционной близости, а по общности функциональной, т. е. если в зависимости от условий произношения (характера слога, отстояния от ударного слога, соседства с теми или другими звуками и т. п.) звуки произносятся

по-разному, но выполняют ту же функцию, т. е. образуют тот же корень или тот же грамматический элемент слова (приставку, суффикс, окончание), — это разновидности той же фонемы» (там же). Как видно из приведенных выдержек, фонологическая концепция автора не отличается от той, которая была выражена в его книге 1947 г. и которая свидетельствует о его принадлежности к так называемым «московской школе фонологов». Как известно, преимуществом этой концепции является то, что она уже была применена для описания звуковой системы языка не в отдельном фонетическом курсе, а в составе общего курса¹, т. е. в увязке с морфологической системой (ясно, что звуки речи реально существуют только в составе звуковых оболочек слов и морфем, т. е. только в функции различения этих звуковых оболочек). Сущность фонематического анализа на основе данного понимания его природы разъясняется автором на следующем примере: «Для определения количества фонем в языке необходимо понимание позиций, так как подсчет фонем может быть осуществлен только на основании сравнения сильных позиций, причем надо брать морфемы, а не слова, и определять состав фонем каждой морфемы независимо от тех позиционных условий, в которые они попадают в слово; например, в слове *детский* (д'эцкй) сначала определяется состав фонем корня, [д'], [э] — прямо, а замыкающая согласная — из сопоставления с *деток*, *деточка*; состав фонем суффикса определяется сопоставлением с аналогично образованными прилагательными, где суффикс не следует за *т*, *д*, например, *конский*, *морской*, *длинный*; состав фонем флексий определяется сопоставлением с прилагательными, имеющими ударение на окончании: *морской*, *худой*; в результате выявлен весь фонемный состав слова: [д'эт-ск-ој]» (стр. 181).

Раздел «Грамматика» построен следующим образом: 1) что такое грамматика (ее общие свойства, отличие ее от других сторон языка — фонетики и лексикологии); 2) грамматические способы, встречающиеся вообще в языках, — аффиксация, агглютинация и фузия, внутренние флексии и чередование, повторы, сложения, способ служебных слов, порядок слов, ударения и т. п. и обуславливающий предположением того или другого способа синтетический и аналитический строй языков; 3) грамматические категории; 4) части речи и 5) синтаксические единицы языка.

В этом разделе выделяются две основные проблемы: во-первых, проблема характера грамматической абстракции и, во-вторых, вопрос о том, каким образом мысли благодаря грамматике получают материальную оболочку, необходимую для речевого общения. Абстракция имеется и в лексике: «любое слово в языке соотносится не с отдельной индивидуальной вещью, а с целым классом вещей, что обязательно предполагает абстрагирование от отдельного и индивидуального» (стр. 191—192). Но грамматическая абстракция качественно отличается от лексической: для грамматики разные слова, например *нос*, *стол*, *дуб*, *топор*, *вокзал*, — «это то же самое, так как у всех этих слов, очень различных по лексическому значению, грамматика одинаковая...» (стр. 193); все эти разные слова одинаково сочетаются с грамматическими окончаниями *-а*, *-у*, *-ом*, *-е*, *-ы*, *-ов* и т. п., а только это обстоятельство и существенно для грамматики.

Каждое грамматическое явление всегда имеет две стороны: внутреннюю — грамматическое значение, и внешнюю — грамматический способ выражения значения. Природа грамматического значения и его разновидностей выясняется из сопоставления с лексическим значением. При этом выявляются следующие противопоставления: конкретное (лексическое) — абстрактное (реляционное); вещественное — грамматическое; самостоятельное — несамостоятельное. В этих трех парах первые и вторые члены оказываются обычно взаимно соответствующими. Например, в словоформе *столам* *стол* является «конкретным» (в том условном употреблении этого термина, который оправдывается противопоставлением «лексической абстракции низшего порядка» «грамматической абстракции»), «вещественным» и «самостоятельным», а *-ам* — «абстрактным», «грамматическим» и «несамостоятельным». Однако в таком, например, *случае*, как *стол-ик-ам*, появляется необходимость введения еще одного понятия — «derivационное значение»: *-ик-*, с одной стороны, несамостоятелен, подобно *-ам*; с другой же стороны, он принципиально отличается от *-ам* наличием «конкретности», что сближает его со *стол-*. Материальным выражением грамматических значений, как реляционных, так и derivационных, является грамматический способ. Описанию различных грамматических способов уделяется около трети изложения, посвященного грамматике.

Как можно было видеть из приведенного перечня вопросов, рассматриваемых в разделе «Грамматика», А. А. Реформатский не проводит четкого деления грамматики на «морфологию» и «синтаксис». При изложении этого раздела автор отграничивается от грамматической абстракции как основы для определения природы грамматического значения и затем сосредоточивает внимание на характеристике разных способов его выражения. Хотя такие способы выражения грамматических значений, как порядок слов и служебные слова, и относятся, очевидно, к синтаксису, в принятом понимании

¹ См. Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, Очерк грамматики русского литературного языка, ч. I — Фонетика и морфология, М., 1945.

этого термина, и хотя попутно в связи с обсуждением грамматических способов и затрагивается вопрос о л и н ё й н о с т и речи, вопрос о «синтаксисе» там не ставится. Понятие это вводится в связи с обсуждением «синтаксических единиц языка» (стр. 252 и сл.). А. А. Реформатский пишет: «Что же в языке позволяет ему выполнять эту его главнейшую роль — функцию общения? — Это с и н т а к с и с. Именно в области синтаксиса возникает момент сообщения, коммуникация. Коммуникация же заключается в том, что одно названное определяется другим. Отсюда «зерно коммуникации» — синтагма, понимаемая как «сочетание двух членов, связанных тем или иным подчинительным отношением» (стр. 253). Членами синтагмы могут быть слова, части слов и словосочетания. Отношения между членами синтагмы могут быть предикативными и непредикативными. Непредикативные подразделяются на атрибутивные, объективные и релятивные, причем отношения между членами синтагмы могут быть выражены согласованием, управлением и примыканием. Предложение — это высказывание, содержащее предикативную синтагму. Хотя основой коммуникации является синтагма, коммуникация возможна и несинтагматическим способом — посредством с о ч и н е н и я.

Завершается раздел «Грамматика» кратким сообщением о том, что различные способы коммуникативного соединения элементов могут встретиться в одном сложном предложении, которое будет составлять сложное синтаксическое целое (стр. 273). Таким образом, в отличие от фонетики, где изложение строилось по принципу «от крупных единиц к более мелким», здесь принят порядок «от элементов к сложным целым». От способа изложения, принятого во всех остальных разделах (так же, как и в других частях «Грамматики»), отличаются страницы, посвященные грамматической категории и грамматической форме (стр. 200 и сл.) (отчасти сходным с этими разделами по характеру изложения является лишь параграф «Предложение»). Если ввиду автор говорит только «от себя», излагает определенные концепции позитивно как таковые, не касаясь того, высказывались ли подобные соображения Э. Сепиром, Ф. де Соссюром или каким-либо другим языковедом и какие вообще по этому вопросу возможны точки зрения, то в вопросах о грамматической форме и грамматической категории автор сосредоточивает внимание не столько на утверждении данной положительной концепции, сколько на предостережении против неправильного понимания, характеристике некоторых систем, указании трудностей, возникающих в связи с рассмотрением этих вопросов, и т. п.

Интересен, компактен и хорошо иллюстрирован раздел «Письмо», включающий не только общую характеристику письма, его этапы и формы развития, но и более общие вопросы, такие, как орфография и транскрипция. В разделе «Классификация языков» делается попытка полной генеалогической классификации языков мира, излагаются история и методы классификации языков. Вопрос о сравнительном методе в языкознании написан с учетом современных работ советских ученых. Со знанием дела и на уровне современного советского языкознания написан 7-й раздел, посвященный вопросам происхождения языка, образования и исторического развития языков.

Книга в целом представляет собой ценное учебное пособие. Она — результат многолетней научной и педагогической работы одного из наиболее квалифицированных наших языковедов, плод длительного творческого размышления и систематического собрания только подмечаемых языковых фактов. Книга явится ценным пособием не только для студентов педагогических институтов, но и для преподавателей и аспирантов. В то же время следует отметить и недостатки, имеющиеся в этом труде. Так, одним из существенных недостатков является отсутствие в ряде случаев точных определенных применяемых понятий. Например, не определены понятия «язык», «слово», «форма слова» (или «грамматическая форма»), «понятие», «стилистические различия», «номагация», «грамматическая категория». Есть, правда, несколько частичных объяснений понятия «грамматическая категория», но они вряд ли помогут проникновению в сущность данной лингвистической категории: «Грамматические категории — это прежде всего совокупность элементов языка (слов, их значимых частей, их сочетаний), образующие грамматические общности... грамматическая категория — это совокупность элементов языка (слов, значимых частей слов и сочетаний слов), объединенная грамматическим значением» (стр. 200—201); «Грамматические категории — это объединения, группы, совокупности однородных грамматических явлений и прежде всего совокупности однородных грамматических слов и их форм» (стр. 245); «Форма» — это, очевидно, «соотношение грамматического значения и грамматического способа в их единстве» (стр. 205)?

В отдельных случаях можно отметить некоторую противоречивость изложения. Так, на стр. 17 отсутствие необходимой связи между названием вещи и ее природой объясняется ссылкой на «теорию знака». Однако приводимые в том же абзаце примеры омонимии по существу опровергают правомерность этого объяснения, так как наличие в языке омонимии как раз является одним из наиболее наглядных нарушений «закона знака» языком.

Вызывает сомнение, можно ли, признавая необходимость различать язык и речь,

относить к «значимым единицам языка» морфемы, слова и предложения, как это сделано на стр. 16 и 21? Входит ли в язык конкретное предложение // (Поезжай!) так же, как в него входят фонема, морфема и слово? Нельзя не напомнить, что в разделе «Грамматика» предложение определяется как «высказывание, содержащее предикативную синтагму», а «синтагма» в принятом в книге понимании не является ли всегда речевой «транспозицией», «актуализацией» составляющих ее элементов языка?

Раздел «Лексикология» заставляет поставить следующие вопросы. Как уже отмечалось выше, основным для лексикологии является вопрос соотношений слова и понятия, поэтому совершенно закономерно, что в рассматриваемой книге именно с этого вопроса начинается изложение данного раздела. Однако некоторые трудности, связанные с разъяснением вопроса о слове и понятии, автором не вполне разрешены. Во-первых, не вполне ясной остается природа различного рода обобщений или абстракций, необходимых для образования различного рода понятий. Если исходить из того, что сказано на стр. 34 (4-й абзац), то следует прийти к выводу, что собственно обобщение или образование понятий свойственно лишь морфемам, а не словам, поскольку понятие вообще не может образоваться иначе, как абстрагируясь от многообразия вещей. Вместе с тем на стр. 191—192 указывается, что любое слово, соотносясь не с отдельной, индивидуальной вещью, а с целым классом вещей, обязательно предполагает абстрагирование, потому что в языке вообще есть только общее. Поскольку же грамматическая абстракция представляет собой еще более высокую абстракцию, качественно отличную, по-видимому, не только от «конкретной абстракции» слова, но и от «абстрактной абстракции» морфемы, общая картина очень усложняется.

Дальнейшее изложение вносит дополнительные затруднения. Во-первых, получается, что слова будто бы вообще выводятся из языка и переводятся в сферу речи, поскольку собственной функцией слова, по мнению автора, является функция называния, номинативная функция или «номинация слова» (стр. 34). Но слов как таковых, по-видимому, представить себе нельзя, если верно то, что сказано в начале следующей, 35-й страницы: «Самое интересное здесь состоит в том, что, поступая в распоряжение грамматики, эти абстрактные корни-значения делаются конкретными значениями в связи с номинацией, делаются словами (разрядка моя.— О. А.), необходимыми для речевого общения». Иными словами, получается, что слово возникает только тогда, когда происходит «актуализация» двух соположенных элементов языка, двух морфем — «вещественной» и «реляционной».

Некоторые недоумения возникают также в связи с вопросом об отношениях между значением, предметом и понятием. Читатель, как будто, может попытаться уяснить для себя данный вопрос, отождествив понятие со значением или «сигнификацией». Однако этому препятствуют такие высказывания: «...значение [собственных имен] исчерпывается их номинативной функцией» (стр. 37); «числительные выражают понятия... не связанные с реальными вещами»; они «как слова начинают называть то понятие, которое они обозначают» (стр. 45); не помогает решению вопроса и употребление автором термина «слово-понятие» (стр. 45). Нельзя не заметить в этой связи, что упоминание о «суппозиции» не совсем удачно. Ведь разные «суппозиции» — не особое свойство тех или других типов слов, а общая всем словам способность употребляться по потребности, во-первых, для называния данного реального предмета (реальная суппозиция), во-вторых, для выражения понятия, отвлеченного от совокупности реальных предметов (формальная суппозиция) и, наконец, для обозначения себя самого (вербальная суппозиция). Слово *три*, также как и другие числительные, отличается не способностью к «подстановке» (суппозиция), а тем, что в «формальной суппозиции» оно отвлечается не от класса предметов, а от класса классов предметов. Поскольку применяемые автором термины вряд ли хорошо известны рядовому студенту, то, думается, эту область знания с ее трудной терминологией затрагивать лишь вкратце невозможно.

Большая четкость в изложении основных вопросов семасиологии безусловно способствовала бы внесению большей ясности и в вопрос о синонимах (которые в параллель к «равнозначности», может быть, имело бы смысл подвести под «равнозначность»), антонимах и особенно о служебных словах. Ведь в форме понятий отражаются не только предметы и явления, но и их связи и отношения. Поскольку определенное понятие сформировано и закреплено в определенном языковом выражении, данное языковое выражение может использоваться для называния всех частных случаев или проявлений того общего, что явилось основой для его возникновения. Поэтому и абстрагированное от разных конкретных случаев своего реального существования от н о ш е н и е, будучи однажды познано и в виде слова закреплено в языке, легко может быть и а в а н о, поскольку оно представляет собой столь же реальный и объективно-существующий «предмет», как и те реальные предметы, которые находятся друг к другу в данном отношении. Так, например, если «отношение нахождения на поверхности» выражено в такой фразе, как *книга на столе*, посредством предлога *на*, то трудно понять, какие могут быть основания для того, чтобы характеризовать это слово (предлог *на*) как «неспособное к называнию вещей»? Ведь понимать в такого

рода контекстах под «вещью» только так называемые «конкретные предметы» — столы, стулья и т. п., по принципу, что их можно потрогать или что они «координированы во времени и пространстве», значит переносить вопрос совсем в другую «суппозицию», отвлекаться от основного предмета языкознания.

Выше уже ставился вопрос о некоторой неясности в разграничении терминов «слово» и «морфема», «слово» и «предложение» в семасиологическом плане. По-видимому, с этим связаны и известные сомнения, которые вызывает трактовка некоторых видов словообразования и словосложения. Так, например, неоднократно (стр. 86, 229) говорится о «субстантивации глагола» посредством артикля в английском языке: *play «играй», the play «игра»* (а в русском языке вследствие отсутствия артикля приходится прибегать к морфологическим способам словообразования). Думается, что такая постановка вопроса связана с указывавшейся уже некоторой нечеткостью в трактовке понятия «слово». Как известно, англ. [pleɪ] значит не только «играй»; это звуковая оболочка нескольких омонимичных словоформ, соответствующих русским *играю, играем, играете, играешь, играть, играй, играйте*. Все эти словоформы входят в парадигму глагола *play* вместе с такими словоформами, как *plays, playing, played*; [pleɪ] же в *the play* — словоформа существительного *play*, входящая в его парадигму вместе с *plays, play's, plays'*. Соотношение между двумя омонимичными [pleɪ] есть поэтому в такой же степени отношении морфологического словообразования, как и в русском языке. К этой же серии явлений относится и такие случаи, как *голова-минер* (1). Вель *голова* по-русски — с л о в о, а [hɒd] в *head-miner* — м о р ф е м а, часть сложного слова. Далее, в сложном прилагательном *singsong* — *sing* — слово, не инфинитив, а м о р ф е м а, так же как и *-song* морфема, а не существительное (данная огласовка в этом виде словообразования закономерно повторяется в *wig-wag, ruff-ruff* и др.). То же относится и к немецким примерам (стр. 224—226). В случаях с *-s* — это, конечно, не цепь «форм родительного падежа», а сложение основ посредством соединительной согласной *-s* (ср. также примеры на стр. 235 внизу).

В отношении раздела «Грамматика» основные сомнения уже были высказаны выше. Теперь остается обратить внимание лишь на следующие. Как убедительно показано в рецензируемой книге, грамматическое явление складывается из грамматического значения и грамматического способа выражения. Эти две стороны — внутренняя и внешняя — два обязательных аспекта рассмотрения любого грамматического явления (стр. 195). Как можно судить из сказанного далее о «деривационном» значении (стр. 197 и сл.), грамматический способ выражения является настолько важным моментом при определении явления как «грамматического», что несмотря на наличие в деривационном значении известной «конкретности», оно все же относится к грамматическим явлениям.

Совершенно понятными являются также соображения о грамматических значениях в синтетических языках (стр. 243), которые, в полном соответствии с тем, что было сказано о реляционном значении и о трудностях, связанных с определением природы значения деривационного, выступают как самостоятельные, дополнительные по отношению к основному — самостоятельному, лексическому, вещественному значению слова.

Однако дальше возникают неясности, причем начинаются они уже с того не вполне четкого определения грамматической категории, о котором было сказано выше. В этом определении, отступая от сказанного о двусторонности всякого грамматического явления, автор выдвигает на первое место «значение» (стр. 245). Определяющим для грамматической категории оказывается уже не грамматический, «дополнительный» способ выражения и не обязательное единство грамматического выражения и грамматического значения, а «общее грамматическое значение».

Грамматическое значение есть «реляционное» значение, или «значение отношения». Взятое в обязательной и неразрывной связи с его специфически грамматическим дополнителем выражением, оно играет важную и вполне определенную роль в составе грамматических явлений языка, объединенных в грамматические категории. Взятое же отдельно от своего специфически грамматического выражения в качестве основы для выделения «грамматических» явлений языка, оно дает повод для непомерного расширения пределов «грамматики», фактического стирания границ лексикологии и грамматики, так как «значения», выражаемые в одних языках грамматически, дополнительно, посредством аффиксов, порядка и т. п., в других выражаются как с а м о с т о я т е л ь н ы е отдельными словами (стр. 223).

Но является ли то обстоятельство, что значение, выражаемое в данном языке словами, в «других языках» выражается дополнительными, грамматическими способами, основанием для того, чтобы в определенном языке считать данные слова в целом «грамматическими», называть свойственное определенному языку употребление данной категории слов «грамматическим явлением»? И далее: что значит «то же значение» или «такие же грамматические оттенки»? Можно ли серьезно думать, что, например, английский предлог *with* имеет то же значение, что русский творительный падеж (если конечно, иметь в виду подлинную природу обоих языковых явлений, а не возможность их приблизительного ситуативного соответствия в некоторых контекстах)? Можно ли приписать английским артиклям грамматическое значение и вообще считать их «грам-

матическими» словами на том лишь основании, что некоторые из передаваемых ими значений оказываются, грубо говоря, соответствующими тем, которые передаются в русском языке грамматическим способом порядка слов? А главное — где же тогда граница лексики и грамматики? Если вместе с де-Соссюром, Вандриесом и многими другими крупнейшими лингвистами считать, что этой границы нет, тогда естественно обратить внимание на определение «чистых значений», существующих идеально и воплощающихся в разных языках то в словах, то в аффиксах, то в особенностях синтаксического построения. Если же лексические явления и явления грамматические считать принципиально различными, видеть одну из важных задач современного языкознания в определении границ лексикологии и грамматики как основных лингвистических дисциплин (а именно такого мнения придерживается А. А. Реформатский), то вопросы о служебных словах, о словообразовании и словосложении и др. потребуют серьезного рассмотрения на основе исследования внутренних закономерностей именно данного языка со всеми свойственными ему особенностями в неразрывном единстве содержания и выражения составляющих его лингвистических единиц (конкретно таких, как нем. *kein*, англ. *some, no* и др., см. стр. 231).

При этом нельзя упускать из вида также того обстоятельства, что «лексическое и грамматическое выражение» есть нечто принципиально отличное от фонетической (звуковой) дифференциации оболочек слов и морфем. Словоформы *му́ка* и *мука́*, *кру́жки* и *кружкí* (стр. 236) различаются лексическим значением и местом в различных парадигмах соответствующих слов. Такое же фонетическое средство, как ударение, различает не слова и не словоформы, а лишь звуковые оболочки данных словоформ.

Больше всего сомнений вызывает, думается, раздел VI. Во-первых, надо ли в учебном пособии «Введение в языкознание» давать подробности в классификации языков? Но уж если это делать, то необходимо обеспечить самую тщательную вычитку и проверку редких и трудных названий, уточнить, следует ли говорить *урья* или *орья*, *буджарти* или *гуджарти*, *мон* и *кхмер* или *мон-кхмер*, *вэньян* или *воньян* и т. п., а также тщательно проверить факты, связанные с численностью того или другого народа, их географическим нахождением и т. п. По-видимому, в этой части в первом издании далеко не все необходимое было сделано.

В параграфах, посвященных изложению существа сравнительно-исторического метода в языкознании, не лишним было бы, по-видимому, дать также характеристику современных структуральных реконструкций языка-основы. Можно было бы также дать сведения о современном состоянии типологического сравнения и оценку известного увлечения типологией представителями некоторых лингвистических школ в ущерб сравнительно-историческому исследованию.

Заметим еще, что при подготовке книги к печати автору не удалось избежать некоторого количества досадных ошибок¹.

Все вышеизложенное позволяет сделать следующий общий вывод: отмеченные неясности и недочеты могут без особого труда быть устранены во втором издании учебника. В целом же — это интересная и полезная книга, охватывающая разные аспекты того сложнейшего явления, каким является язык; это удавшаяся попытка всестороннего освещения вопросов языкознания на базе определенной научной концепции.

О. С. Азманова

В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. — М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1955. 392 стр.

Вышедшая в 1955 г. в свет книга В. Г. Адмони «Введение в синтаксис современного немецкого языка», несомненно, заслуживает внимания советских германистов, поскольку в ней впервые в отечественном языкознании делается попытка изложить основы синтаксиса современного немецкого языка в научно-теоретическом плане. Система

¹ В связи с данным замечанием рецензента необходимо обратить внимание на материал, полученный редакцией от ст. преподавателя кафедры английского языка Смоленского педагогического института В. Д. Ившина. В. Д. Ившин отмечает, что в книге А. А. Реформатского «Введение в языкознание» имеется ряд ошибок и неточностей, которые нужно было бы устранить при редактировании книги. В качестве примера таких ошибок, неточностей и опечаток В. Д. Ившин приводит следующие: написание английского местоимения *he* — *het* вместо правильного *he* — *him* (стр. 25), *conwersio* вместо *conversio* (стр. 59), *wolf* [wu:] вместо *wolf* [wulf] (стр. 100), *Hohle* вместо *Höhle* (стр. 151), *bee* вместо правильного написания *be* (стр. 232), *doughter* вместо правильного *daughter* (стр. 235 и 315); название западной части Англии *Wallis* вместо *Wales* (стр. 326), *Горьковский край* вместо *Горьковская область* (стр. 332), *Алтайская АССР* вместо *Алтайский край* (стр. 332), *Хакасская АССР* вместо *Хакасская автономная область* (стр. 332), *Тушинская Народная Республика* вместо *Тушинская автономная область* (стр. 332) и др. — *Ред.*